

Дрезденъ 18/30 Марта/1871 г.

Во первыхъ, многоуважаемый Николай Николаевичъ, простите меня, что такъ долго не отвѣчалъ на письмо Ваше. Все произошло отъ обстоятельствъ. Нѣкоторое время хворалъ, а главное тосковалъ послѣ припадка падучей. Когда припадки долго не бывають и вдругъ разразится, то наступаетъ тоска необычайная, нравственная. До отчаянiя дохожу. Прежде эта хандра продолжалась дня три послѣ припадка, а теперь дней по семи, по восьми, хотя сами¹ припадки въ Дрезденѣ гораздо рѣже приходятъ, чѣмъ гдѣ нибудь. Во вторыхъ *тоска по работѣ*: мочи нѣтъ какъ туго пишется. Надо въ Россiю, хотя и совершенно отвыкъ отъ Петербургскаго климата. Но все таки, во что бы то ни стало, а надобно воротиться. -- Но нечего пересчитывать; всѣ эти тоски, однимъ словомъ, все отвлекало меня и только теперь сажусь поговорить съ Вами, хотя, послѣ письма Вашего, чрезвычайно много о васъ думалъ.

Вы не можете представить себѣ какiя грустныя и тяжелыя соображенiя пришли ко мнѣ по прочтенiи письма Вашего. Что же это такое? Все чѣмъ была оригинальна *Заря*, что давало ей свой особый индивидуальный видъ между другими журналами – все это найдено у нихъ препятствiемъ къ успѣху. И это единственный русскiй журналъ, въ которомъ оставалась чистая литературная критика! Да именно потому что всѣ бросили ее она и нужна теперь. Она давала Зарѣ свою физиономiю. Они испугались говору и насмѣшекъ. Напротивъ чаще, въ каждомъ номерѣ, нужно было настаивать на своей идеѣ и будущность была-бы за ними. Не знаю какъ другiе, а я по полученiи Зари каждый разъ разрѣзывалъ прежде всего Ваши статьи и упивался ими. Разумѣется иногда не во всемъ соглашался, (на примѣръ въ прiемахъ, въ тонѣ, т. е. въ излишней мягкости Вашей и кромѣ того въ преувеличенiи нѣкоторыхъ явленiй

// л. 40

литературы и жизни)² Я не про Льва Толстого говорю.³ – но интересъ былъ всегда чрезвычайный. Ваша статья о Карамзинѣ,⁴ такъ глубока и такъ мужественно-откровенна, что я порадовался здѣсь, что еще раздастся у насъ такой голосъ. Вы мнѣ что-то вскользь писали тогда, но я и самъ кое-что читалъ потомъ и, сколько могу судить, ее кажется осудили какъ ретроградную. Ужъ не Редакцiя ли Ваша вмѣстѣ съ другими?

Во всякомъ случаѣ Вашъ голосъ замолчать не можетъ и не долженъ. Безъ сомнѣнiя то, что Вы мнѣ сообщили о Вашихъ *новыхъ* отношенiяхъ къ Зарѣ – есть полуотставка. Что же Николай Николаевичъ, какъ же Вы рѣшаетесь?⁵ Мѣсяца

¹ сами вписано.

² Далее следует авторский знак: *)

³ Запись: Я не про Льва Толстого говорю. – сделана внизу на полях под знаком *).

⁴ Далее было: недавняя,

⁵ Далее было: (

черезъ три-четыре мы можетъ быть увидимся и тогда наговоримся вдоволь, но покамѣсть? Безъ сомнѣнія продолжать *покамѣсть* въ Зарѣ, напечатать тамъ еще нѣсколько превосходныхъ статей, а къ осени серьезно подумать о своемъ положеніи. Вѣдь если Вы не утвердитесь въ Зарѣ на прочныхъ и совершенно приличествующихъ Вамъ основаніяхъ, то годится-ли Вамъ оставаться? (Я вовсе не амбицію имѣю въ виду; я хлопочу о критикѣ, о существованіи у насъ литературнаго органа, съ здоровой критикой)<.> Что же если Заря сама ее находитъ *не такъ нужною*?

Я надѣюсь, Николай Николаевичъ, что я пишу Вамъ теперь конфиденціально и что письмо это останется между нашихъ четырехъ глазъ. Кстати: Вы написали въ письмѣ Вашемъ, чрезвычайно вскользь, что хотите сѣсть за литературныя воспоминанія. Что это будетъ? И будетъ-ли чтонибудь? Вы упомянули о времени изданія нашего бывшего журнала, объ Ап. Григорьевѣ, о насъ. Я слишкомъ понимаю что эта полоса жизни могла рѣзко, а можетъ быть

// л. 40 об.

и пріятно (какъ воспоминаніе Вашей молодости) отпечататься въ Вашей памяти. Но объ этомъ не рано-ли слишкомъ писать, да и интересно-ли въ данный моментъ? Думаю что и рано, да и не интересно будетъ для другихъ. И однако мнѣ пришло вотъ что въ голову:

Дѣйствительно какое нибудь значительное, серьезное сочиненіе, *внѣ* Вашихъ обыкновенныхъ критическихъ статей (то есть главное не въ этой формѣ) а что нибудь новое, хотя-бы и дѣйствительно въ историко-литературномъ родѣ – было-бы прекраснымъ теперь для Васъ предпріятіемъ (NB. Я съ чрезвычайнымъ наслажденіемъ, на примѣръ, прочелъ Ваши горячія, превосходныя страницы, въ статьѣ о Карамзинѣ,⁶ гдѣ Вы вспоминаете о Вашихъ годахъ ученія). Если Заря оставляетъ Вамъ теперь столько свободнаго времени, то къ осени Вы бы могли что нибудь приготовить. Что Вы думаете о «*Бесѣдѣ*» на примѣръ? Тамъ совершенно нѣтъ литературной критики, но мнѣ кажется они ни за что не отказались бы напечатать приготовленное Вами лѣтомъ сочиненіе, а это бы могло послужить дальнѣйшимъ⁷ шагомъ. Я не хочу изворотовъ и виляній въ изложеніи Вамъ моей мысли и потому скажу прямо: Это не можетъ быть измѣной *Зарѣ*. Я не подговариваю Васъ оставить прежнее знамя и бѣжать подъ другое. Но согласитесь же сами что тутъ все, все заключается въ разрѣшеніи вопроса: Хочетъ Вашего сотрудничества *сама* Заря, или не хочетъ? Уважаетъ-ли его, или нѣтъ? А вѣдь это непремѣнно должно въ скоромъ времени совершенно выясниться.

Что касается до Бесѣды, то я рѣшительно не знаю что это будетъ такое, хотя первый номеръ и прочелъ. Они мнѣ прислали журналъ и просили сотрудничества. Разумѣется съ величайшею готовностію буду сотрудничать если будетъ время. Я то ужъ нигдѣ и ничѣмъ не связанъ, кромѣ долговъ. Но деньги вещь не столь деликатная и совершенно восполняются деньгами-же (Это не значитъ вовсе, что я не думаю о моей повѣсти въ Зарю; думаю, очень

⁶ Далее было начато: о В

⁷ Далее было: шаговъ.

думаю и во что бы то ни было доставлю).

Опять повторю: Жду съ чрезвычайнымъ желаніемъ и даже волненіемъ момента встрѣчи съ прежними близкими людьми въ Петербургѣ. Но еще одна просьба кстати: Не говорите, если случится, *утвердительно* комунибудь о скоромъ моемъ приѣздѣ. Я бы желалъ чтобъ хоть одну первую-то недѣлю послѣ⁸ прибытія мои кредиторы оставили меня въ покоѣ; жду что такъ и накинутся и боюсь, потому что денегъ не имѣю, а все только надежды.

Черкните мнѣ что-нибудь, Николай Николаевичъ, я человекъ Вамъ преданный и Васъ уважающій и говорю Вамъ это вполнѣ искренно. Адресъ мой здѣсь покамѣстъ все одинъ и тотъ-же. (poste restante непремѣнно).

Не пишется Николай Николаевичъ, или пишется съ ужаснымъ мученіемъ. Что это значить – я понять не могу. Думаю только что это – потребность Россіи во что бы ни стало. Надо воротиться. – Чрезвычайно благодарю Васъ, что не забыли написать мнѣ о моемъ романѣ.⁹ Ужасно Вы ободрили меня. Съ замѣчаніемъ Вашимъ о *тонѣ* въ высшей степени согласенъ; я мучился долго этой невыдержкой тона. Съ возвращеніемъ въ Россію придется перервать даже работу. Во всякомъ случаѣ въ нынѣшнемъ году романъ кончу.

Благодаренъ Вамъ тоже за нѣкоторыя разьясненія моихъ недоумѣній. Еслибъ пришлось повторить я-бы не написалъ Вамъ того письма. Я былъ тогда въ ужасномъ, болѣзненномъ нервномъ раздраженіи.

Гдѣ Вы будете жить лѣтомъ: въ городѣ или на дачѣ? Хорошо-бы еслибы я заранѣ зналъ. Мнѣ кажется я явлюсь въ самую середину лѣта. А¹⁰ какія хлопоты съ переѣздомъ, дорогой Николай Николаевичъ! Уѣхали мы самъ другъ съ молодой женой, а теперь, хотя возвращаюсь съ такой же молодой женой, но *и съ дѣтьми!* (Секретъ: одной 1^{1/2} года а другой еще x, y, z) Каковы же хлопоты переѣзда!

Вамъ преданнѣйшій и весь Вашъ
Федоръ Достоевскій

// л. 41 об.

⁸ послѣ вписано.

⁹ Далее было: (

¹⁰ А вписано.